

УДК 903.5(477.6)

С.Г. Небрат

ПОГРЕБЕНИЯ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ С КОСТЯМИ ЖИВОТНЫХ

В статье представлены характеристика и анализ погребений ингульской катакомбной культуры, в которых были выявлены кости различных животных. Рассматривается традиция использования жертвенных животных в погребальном обряде населения степей Северного Причерноморья в среднем бронзовом веке.

Ключевые слова: бронзовый век, ингульская катакомбная культура, кости животных

В эпоху бронзы использование домашних животных в погребальном ритуале становится нормой. Прямым свидетельством тому являются их костные останки, выявленные в могильниках катакомбных культур на Дону и Северском Донце. Кости животных (далее – КЖ) также встречаются и в погребениях ингульской катакомбной культуры, но довольно редко. Возможно, по этой причине эти комплексы не привлекали должного внимания исследователей, а потому нуждаются в специальном исследовании.

В археологической литературе неоднократно обращалось внимание на факт наличия костей домашних животных (копытных) в погребениях на Нижнем и Среднем Дону, Маныче, Орель-Самарском междуречье, Северском Донце и сопредельных, Доно-Донецком и Волжско-Донском регионах [17, с. 144; 3, с. 34; 12, с. 35 – 45; 2, с. 22, 44; 11, с. 100; 23, с. 16; 26, с. 12]. В поле зрения попали памятники раннекатакомбного времени, материалы донецкой и среднедонской катакомбных культур, погребения манычского типа. Были выявлены закономерности размещения костных останков (как правило, черепов и конечностей) в могильном пространстве, процентные соотношения костей КРС и МРС и др.

На могилы ингульской катакомбной культуры с КЖ обратил внимание С.Ж. Пустовалов. В контексте исследования экономического развития катакомбного общества он отметил, что «наличие в захоронениях значительного количества костей крупного и мелкого рогатого скота, лошади, а также развитых типов колесных транспортных средств (повозка) позволяет заключить, что в экономике катакомбной культуры большую роль играет скотоводство» [18, с. 27]. С позиции исторического материализма, автор сначала склонялся к мысли, что нахождение остатков мясной пищи в могиле связано не с идеологическими представлениями, а в первую очередь со скотоводческим укладом хозяйства [18, с. 28]. Намного позднее С.Ж. Пустовалов предпримет оригинальную попытку связать некоторые элементы погребального ритуала, в том числе и комплексы с КЖ с обрядом перехода индивида, захороненного в катакомбе, из мира живых в мир мертвых. Бычий череп, в таком случае, мог выполнять охранную функцию [20, с. 64]. Саму же традицию помещения костей жертвенного животного в могилу исследователь считает заимствованной восточнокатакомбной чертой [19, с. 35]. Не будет лишним сказать, что несколько ранее на связь жертвоприношений с идеей перехода «на тот свет» в эпоху бронзы высказал и Д.П. Куштан [13, 2005].

На части туш различных жертвенных животных в катакомбных погребениях обращает внимание Ю.А. Шилов, пытаясь искать разгадку значения этих символов в арийской, а так же шумерской мифологии [28, с. 216]. Так, в коллективном ингульском погребении у с. Сергеевка на Херсонщине, где лопатка быка вместе с колесом повозки

были помещены в лаз катакомбы. Как полагает Ю.А. Шилов, мы сталкиваемся с символом повозки в упряжке, вывозящей покойников наружу [28, с. 223].

К сожалению, публикации палеозоологических определений по конкретным погребальным памятникам отсутствуют, что существенно уменьшает объем информации касательно процессуального и идеологического аспектов обряда. Все же, имеет смысл обобщить информацию о погребениях ингульской катакомбной культуры, в которых были найдены кости различных животных.

Всего было учтено 97 комплексов, содержащих *кости животных* из 1165 известных автору погребений ингульской катакомбной культуры, что составляет 8,3 %. В выборку не попали погребения с костяными орудиями труда (проколки, отжимники) или элементами костюма (кольца, амулеты, бусинки), а так же игральные кубики и «флейты Пана».

Жертвенное животное практически никогда не помещалось в могилу целиком. В погребении размещали лишь отдельную часть туши животного или отдельные кости, символизирующие его самого. Такой подход соответствовал принципу *pars pro toto*, когда в ритуале часть чего-то символизировало целое. В могилу мог быть помещены череп, челюсть, зуб(ы), лопатка, либо часть конечности (в том числе и таранные кости) быка или коровы, коня, мелкого рогатого скота. Реже встречаются кости птиц, а в единичных случаях кости диких животных. Они располагались чаще в камере, несколько реже в шахте или около входа в камеру.

Важно сказать, что КЖ встречаются в погребениях по всему ареалу ингульской культуры (Рис. 1; Табл. 1).

Таблица 1.

Распределение погребений ингульской катакомбной культуры по регионам.

Регион и количество учтенных в нем погребений	Количество погребений с костями животных	Удельный вес погребений с костями животных
Северо-Западное Причерноморье (120)	10	8,3 %
Буго-Ингулецкий регион (280)	31	11 %
Степное Поднепровье (322)	19	6 %
Орель-Самарский регион (75)	7	9,3 %
Крым (180)	19	10,5 %
Северное Приазовье (163)	9	5,5 %
Единичные комплексы из Лесостепного Поднепровья и Северского Донца (25)	2	8 %

Удельный вес таких погребений в различных регионах составляет 5 – 11 %. Однако стоит отметить, что в Северном Приазовье их обнаружено значительно меньше, чем можно было ожидать – в 5 %, и это при том, что в традициях соседних катакомбных культур (донецкой, среднедонской) помещать КЖ в могилу практиковалось довольно часто. Затруднительно назвать хотя бы один случай, когда в могилу был бы помещен комплект в виде конечностей, на которых покоился бы череп (т. н. «шкур»), что также является одной из характерных черт памятников восточной части катакомбной ойкумены и совсем не характерно ИКК. Эти два наблюдения ставят под сомнение предположение С.Ж. Пустовалова о восточнокатакомбном заимствовании этого ритуала в погребальной практике ингульцев.

Итак, костные останки различных животных встречаются примерно в восьми погребениях на сотню. Часто или редко? Попробуем сопоставить наши данные, с

подсчетами других исследователей. Рассмотрим погребения с костями животных различных культур бронзового века и на различных территориях. Так, в донецкой катакомбной культуре Донецко-Дона-Волжского, региона КЖ встречаются в 47,9 % могил [26, с. 12]. Отметим, что для Лесостепи Восточной Украины, региону, в какой-то мере сопредельному с ареалом ингульской катакомбной культуры, удельный вес таких комплексов несколько выше – 58 % [3, с. 44]. В среднедонской катакомбной культуре Донецко-Дона-Волжского региона – 34,8 %, в волго-донской культуре – 47 %, полтавкинская культура демонстрирует довольно большой показатель – КЖ встречаются почти в каждой могиле [26, с. 12]. В посткатакомбное время прослеживаются иные тенденции. В днепро-донской бабинской культуре конечности и черепа копытных встречаются в каждом десятом погребении, а астрагалы в каждом двадцатом [14, с. 9]. В срубной культуре (восточной части ее ареала) КЖ обнаружены в 8,9 % могил [27, с. 117]. Таким образом, можно видеть, что включение такого символического элемента как часть жертвенного животного, в состав погребального приношения было редким явлением в практике ингульцев на фоне других культур эпохи бронзы.

Нам известен лишь один случай, где присутствовала в погребении ингульской катакомбной культуры целая туша животного. Речь идет о п. 43, к. 1 у с. Глинное (Молдова). В камере катакомбы была зафиксирована сооруженная грунтовая вымостка. Стратиграфия вымостки (снизу вверх): слой однородного предматерикового суглинка, слой темно-серого речного ила, обильная меловая подсыпка с добавлением темно-красной охры, слой материковой глины с вкраплениями чернозема толщиной. Вся вышеописанная конструкция была тщательно утрамбована. На вымостке лежал анатомически целый скелет лошади. Зубы животного были окрашены малиновой охрой. После снятия вымостки, на дне камеры обнаружено одновременное парное захоронение двух взрослых людей. Анатомическая последовательность костей погребенных нарушена, но была придана попытка уложить останки согласно канонической позы – вытянуто на спине [21, с. 314].

Проанализировав всю выборку, автором были сделаны ряд наблюдений.

1. Погребения, в которых присутствовали костные останки животных, размещались во всех секторах кургана, но большинство их было выявлено под восточной и южной полой, что в целом является характерным для планиграфии могил ингульской культуры.

2. В 9 случаях удалось проследить насыпь или досыпку над катакомбой. В 2 случаях это были основные погребения.

3. В 6 индивидуальных, 3 парных и 1 коллективном захоронениях камеры катакомб превышали среднестатистические размеры (длина более 2,4 м, ширина более 2 м – по С.Ж. Пустовалову). Большинство могил имеет средние размеры.

4. Исходя из количества погребенных лиц в катакомбах, можно говорить об индивидуальных, парных и коллективных могилах (где было погребено 3 человека). Обращает на себя внимание и наличие «пустых» катакомб, которые в отдельных случаях можно интерпретировать как кенотафы, а в отдельных случаях как первичные могилы, из которых были позднее извлечены останки погребенных.

5. Ориентация скелетов различная. Причину этому явлению автор видит в подчинении правилу радиальной планиграфии катакомб в кургане, практикуемому всеми племенами ингульской культуры.

6. На первый взгляд, КЖ были обнаружены в погребениях как взрослых лиц, так и детей, но все же, такие погребения чаще можно связывать именно со взрослыми. Антропологических определений пока недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы.

7. Погребальный инвентарь различный. Наиболее распространенной категорией остается глиняная посуда (в нескольких случаях – единичные фрагменты сосудов), которая почти в половине случаев сопровождала умерших. Довольно часто встречаются орудия труда из камня и кремня (35 случаев). Это отщепы, пластинки, скребки, ножи из кремня, различные растиральники, выпрямители стрел, усечено-конические/цилиндрические «наковаленки», а в одном случае и антропоморфная фигура-алтарик. Неоднократно (11 случаев) в комплексе с КЖ было выявлено оружие – каменные топоры-молоты, булавы, наконечники стрел, лук. Деревянные чаши попадались редко (6 комплексов) и, как правило, они происходят из западной части ареала ингульской катакомбной культуры. Изделия из металла так же редки. Они представляют собой шилья, ножи (в двух случаях в сочетании с шильями), клинья в рукоятке булавы и бляшки. Примечательно то, что бронзовые изделия в комплексе с КЖ так же происходят из западной части ареала ингульской катакомбной культуры и были обнаружены в курганах Днепро-Прутского междуречья.

Важно подчеркнуть, что автору не известен факт нахождения КЖ в наиболее «богатых» катакомбах (с колесами от повозок, глиняными моделировками черепов, бронзовыми орудиями труда) из курганов на р. Молочной, где С.Ж. Пустовалов видит социальный центр катакомбного общества. КЖ в могилах с масками встречаются (6 случаев), но не на р. Молочной, где именно этот обряд был столь популярным. Что касается и катакомб, где заслонами входа в камеру служили колеса, то нам известен лишь один, уже упомянутый в статье, комплекс из Херсонщины, в котором было зафиксировано сочетание «КЖ + колесо». Отметим, что это было коллективное погребение, а потому и не ясно, с каким из погребенных в нем лиц связывался отдельный предмет, несший определенный символ. Не известно нам и сочетание в одной могиле таких символов как «рисунки охрой стоп + КЖ». Пока у нас создается впечатление, что такие символы в погребальном обряде как «КЖ», «колесо» и «изображения охрой стоп» несли сходную (либо противоположную) семантическую нагрузку, а потому и не встречались в одном «контексте». Исключением могли быть могилы с коллективными захоронениями.

Попробуем приблизиться к пониманию знаковой нагрузки, которую несли части туши или отдельные кости животного в погребальном ритуале. Отдельная часть тела животного в ритуале, скорее всего, имела свой магический статус. Видимо существовали некоторые обрядовые нормы и правила, которые предопределяли, в каких случаях необходимо помещать голову животного, а в каких, к примеру, часть конечности или только таранную кость.

Изучая проблему жертвоприношений у степняков Зауралья в среднем бронзовом веке, Д.Г. Зданович указывает на существовавшую ритуальную иерархию частей туши в могилах синташтинцев. По его мнению, минимальной ценностью обладали отдельные трубчатые и плоские кости (с мясом?). Дальше идут дистальные отделы конечностей; статус отделов задних конечностей был, возможно, ниже, чем передних. Максимальной ценностью, безусловно, обладала голова животного. Все это объясняется космогоническими воззрениями древних людей. Тело животного отождествлялось с Космосом. Поскольку последний имел трехчастную структуру, то и в туше выделялись три части (уровня) — голову, туловище, ноги [9, с. 99 – 100].

Вероятно, в представлении племен ингульской катакомбной культуры, каждая часть тела животного в контексте обряда имела свое смысловое значение. Попробуем приблизиться к пониманию этих символов.

Как уже говорилось, целая туша животного нам известна из одного погребения, которое происходит с левобережья Нижнего Днестра (Глинное, к. 1, п. 43). В данном случае был обнаружен конский костяк.

О связи лошади с потусторонними силами в представлении древних людей и непосредственно роли с погребальным обрядом уже неоднократно говорилось. Исследователь могильника Синташта, В.Ф. Генинг, убедительно приводит параллели из «Ригведы» и «Авесты», чтобы прокомментировать смысловую нагрузку жертвоприношений, которые представляли собой погребение коней, крупного и мелкого рогатого скота. Так же обращает на себя внимание то, что в отдельных случаях головы лошадей и коров (быков?) были уложены вместе с отрубленными конечностями. Так конь мог выступать как спутник бога Смерти [5, с. 68 – 70].

Часто лошадь в погребении подчеркивала социальную значимость покойного при жизни. Это фиксируется у скандинавов времен викингов по письменным и археологическим источникам. С конем хоронили и представителей знати у прусов. У осетин заклание коня производилось лишь при похоронах вождей и военачальников. Яркую социальную окраску приобретает обряд заклания животных у индоариев. Так при захоронении кшатрия убивали коня, при погребении брахмана – черную корову, при погребении вайшья – козу или барана [10, с. 23 – 24].

Любопытное наблюдение сделал в 1921 г. М.П. Грязнов, когда ему довелось присутствовать в одном из улусов на Енисее, где хакасы справляли поминки на сороковой день после смерти своего сородича. В улусе у коновязи стоял пойманный накануне в табуне конь — дикое животное ещё не знавшее узды. Дядя умершего должен был приехать на нём без седла и узды на кладбище [7, с. 84 – 85].

Обращаясь к индоиранским параллелям, стоит привести строки из Ригведы [24], посвященные восхвалению коня, который должен быть умерщвлен, расчленен и принесен в жертву богам:

*Когда предназначенного для жертвы коня люди
По правилу трижды обводят кругом по пути богов,
То доля Пушана идет первой -
Козел, оповещающий богов о жертве.
(I, 162, 4)*

*Топор наталкивается на тридцать четыре ребра
Коня, приносящего награды, товарища богов.
Приведите в порядок части тела, чтоб они были неповрежденными!
Расчлените сустав за суставом, называя (их) один за другим!
(I, 162, 18)*

Расчленение туши животного, все же, было обязательной составляющей ритуала, а голова (как коня, так и рогатого скота) обладала особым статусом. Учтено 8 комплексов с черепами коней или быков (коров) из курганов Поднепровья, Приазовья и Крыма. В качестве примера приведем несколько случаев. В кургане у г. Запорожья (к. 1, п. 19) в заполнении шахты были выявлены два конских черепа вместе со скелетом лисы и обломками костей крупного рогатого скота [16, с. 127]. В к. 1, п. 27, к.гр. II у Волчанска один череп быка покоился в камере прямо на руке погребенного, а второй на ступеньке. В этом же кургане, в шахте п. 33, было найдено сразу 4 черепа. В к. 27, п. 8 у с. Виноградное было выявлено 9 черепов быков [20, с. 64].¹

Возвращаясь к мысли об обряде перехода из одного мира в другой приведем мысль А.В. Кияшко, который считает, что кости черепа и конечностей в раннекатакомбных погребениях левого берега Нижнего Дона, являлись не запасом заупокойной пищи, а символическим воплощением самого животного, являвшегося путником и проводником души умершего [11, с. 100].

¹ Мы не располагаем полной информацией касательно п. 8 из к. 27 у с. Виноградное. По этой причине, данный комплекс не был включен нами в сводку ингульских погребений с КЖ.

Животное могло играть роль и спутника, и помощника. В фольклоре некоторых народов сохранилось отголоски древних представлений о магических свойствах, связанных с головами животных. Так, в украинской сказке «Кобиляча голова» добрая девушка, изгнанная злой мачехой вынуждена остаться в чужом доме в гуще леса. Вечерним гостем оказывается голова кобылы, которую девушка пересаживает через порог землянки, а затем и разделяет с ней трапезу. В благодарность за доброе дело голова предлагает девушке влезть к ней в ухо, где главная героиня сказки находит одежду, украшения, золото, серебро. В другой украинской сказке – «Іван та чарівні коні», младший из братьев влезает в одно ухо лошади, а вылезает из другого, но уже преобразившись, красавцем в новой одежде. Подобный сюжет известен и в осетинской сказке «Фунуктиз, младший из трех братьев». Из одного уха коня юноша вытаскивает седло, а из второго одежду. В молдавской сказке «Кырмыза» волшебный конь помогает переодеться девушке в другую одежду, которую она достает из уха животного. В качестве аналогии можно привести еще одну осетинскую сказку «Девушка-сирота». Правда фигурирует в ней уже не лошадь, а корова, а перевоплощение девушки в нарядную красавицу достигается при помощи рога. Все это указывает на существование у различных народов в прошлом схожих представлений о магических свойствах головы, благодаря которой происходит перевоплощение, обогащение или изменение человека. Животное же выступает в роли спутника и/или помощника.

Возвращаясь к ингульской культуре, отметим, что нами было учтено 5 захоронений, в которых найдено по одному рогу. Вполне вероятно, что значение рогов несколько приближено, по смыслу к голове животного.

В серии комплексов отмечено присутствие нижней челюсти крупных животных, мелкого рогатого скота, а в одном случае и собаки. Как отмечали некоторые исследователи, нижняя челюсть, выступает как особая, семантически выделенная, часть тела в ритуалах различных культур. Причем прослеживается это как по материалам погребений, так и по материалам поселения. Такие наблюдения, к примеру, делались по материалам срубной культуры [6, с. 44]. Особенностью поселенческих жертвенников средней бронзы Зауралья Д.Г. Зданович считает массовые скопления отчлененных нижних челюстей. Факт использования нижней челюсти животного в этом регионе зафиксирован так же и в некрополях [9, с. 99]. Таким образом, нижняя челюсть выступает как особая, семантически выделенная часть тела. Стоит привести параллель из индоарийской мифологии: скотоводческий бог плодородия Пушан лишается зубов (челюсти), которые ему выбивает в гневе бог Рудра. Позднее, сменив гнев на милость, Рудра возвращает эту часть тела Пушану [25, с. 353]. Кроме челюстей, в катакомбах изредка обнаруживают зубы. В уже упомянутом нами комплексе из кургана у с. Глинное был обнаружен амулет, изготовленный из резца лошади [21, с. 307]. Отметим, что подвесок из зубов собаки (волка?), подобных тем, какие встречаются в наборе ожерелья в ямных и раннекатакомбных погребений, в материалах ингульской катакомбной культуры нам не известно. Это зубы жвачных животных, но есть единичные случаи помещения в могилу зубов хищных животных.

Отдельно стоит сказать о лопатках КРС, которые символически прикрывали вход из шахты в камеру. Можно предположить, что они играли как ритуальную, так и практическую роль, служа орудием труда во время сооружения катакомбы. Выступая в качестве перекрытия входа в камеру, лопатка, несомненно, могла нести охранную функцию. Примечательно, что лопатки-перекрытия тяготеют к западной части памятников ингульской катакомбной культуры. Отметим, что лопатки животных, сопровождавшие на тот свет людей, известны и в ямной, и в раннекатакомбной культурах [28, с. 222]. В качестве примера приведем раннекатакомбное погребение из Сосновки, к. 1, п. 5, Приазовье. Лопатка крупного животного находилась в комплексе с

палкой (колотушкой?) и скелетами двух змей. Сама лопатка имела изношенность в центре, причиной чему, как считает Б.Д. Михайлов, могли быть удары названной палкой по какому-то предмету [15, с. 109].

Все же, кости конечностей в виде обломков трубчатых костей встречаются на много чаще, чем другие. Иногда это совсем небольшие кости, которые исследователи интерпретируют как кости птиц. Вполне возможно, что это и есть остатки мясной пищи. Все же, стоит сказать, что автору не известно ни одного случая, когда бы фрагменты трубчатых костей находились внутри сосуда.

Помещенные в могилу кости (возможно, иногда вместе со шкурой) съеденного животного символизировали его целого. Благодаря оставленным костям животное могло возродиться снова. Тут уместным будет привести параллель из скандинавского мифа о том, как охромел козел бога Тора. Будучи в гостях у одного великана, Тор зарезал своих двух козлов, и они были сварены и съедены, причем кости их надо было бросать на козлиные шкуры. Вопреки распоряжению Тора, сын великана сломал одну из бедренных костей, чтобы полакомится костным мозгом. На следующее утро Тор освятил своим молотом шкуры с костями и козлы ожили, но один из них хромал на заднюю ногу [24, с. 420 – 421]. В русской народной сказке «Царевна-лягушка», брошенные во время танца на царском пиру Василисой Премудрой кости съеденной птицы превращаются в живого лебедя.

Отдельной категорией погребального приданного выступают астрагалы. Группа катакомбных погребений с астрагалами заслуживает особого внимания. Были ли они игральными/гадальными костями, символами животного, орудиями труда для обработки кожи – автору пока не ясно. Не исключена их полифункциональность. В предлагаемой статье ограничимся лишь тем, что из всех известных нам погребений ингульской катакомбной культуры, астрагалы встречаются лишь в 15 могилах (15,6 % от погребений с КЖ и 1,3 % от общего числа известных ингульских комплексов).

Интересны случаи нахождения костей животных в погребениях-кенотафах. Их сложно интерпретировать. Можно лишь предположить, что погребение жертвенного животного как бы заменяло человека. В трагедии Еврипида есть довольно интересный сюжет: в самый последний момент, когда Ифигения уже находилась на алтаре, богиня Артемида заменила ее ланью. Аналогичный, но более древний сюжет содержится в Библии (Быт. 22: 1 – 19) и Коране (Сура 37: 99 – 109). Связан он с испытанием на прочность веры Авраама. Бог повелевает принести в жертву Исаака, сына Авраама. В последний момент человеческое жертвоприношение так же было заменено на жертвоприношение животного. Трудно сказать, были ли такие кенотафы результатами ритуальных замен человеческих жертвоприношений, но можно предположить, что животное в некоторых обрядах могло заменить человека.

В процессе работы с источниками у автора возник вопрос: существовал ли культ быка у «ингульцев»? Еще в конце 1970-х гг. М.П. Грязнова изучая погребения степных скотоводов эпохи бронзы, содержащие костные останки быка, видит в них следы почитания этого животного. Культ быка, по мнению М.П. Грязнова, предусматривал ритуальный поединок с ним, поедание его мяса и взятие от него какой-то части (черепа, шкуры, уха, пятки, хвоста и др.) [7, с. 80]. Стоит сразу обратить внимание на то, что бык занимал первое место в «катакомбном» стаде, о чем свидетельствуют материалы поселения Матвеевка I на Южном Буге [8, с. 151]. Не стоит забывать, что хозяйственный уклад носителей ингульской катакомбной культуры основывался на скотоводстве, а совсем небольшое количество стационарных памятников (единичные поселения и стоянки-летовки) скорее указывает на то, что эти племена представляли собой довольно мобильные коллективы, основным транспортным средством которых была повозка, а

тягловым животным – бык. Намеком на существовавший культ быка у катакомбного населения как раз и могли быть найденные в могилах черепа, рога и лопатки животного.

Стоит обратить внимание на возможность другого подхода в интерпретации материала. Изучая форму собственности на скот в срубном обществе Е.П. Бунятян и В.В. Отрощенко пришли к выводу, что «...наличие костей животных в женских, а также детских и подростковых погребениях (в последних – в незначительном количестве) можно интерпретировать, как факт индивидуальной собственности на скот отдельных членов семьи». Погребенных следует связывать с представителями высшей социальной прослойки [4, с. 120]. Позднее В.В. Цимиданов выскажет мнение, что КЖ в срубных погребениях символизируют повышенный социальный ранг умершего. Астралаги же маркируют погребения служителей культа – жрецов [27, с. 50 – 52]. Могут ли части туш или отдельные кости животных в погребениях ингильской культуры так же являться показателями высокого социального статуса или ранга? И какие функции в обществе выполняли люди, удостоившиеся быть погребенными с такими «знаками»?

Попробуем исходить из того, что в древних обществах были три главных функции, которые мог выполнять тот или иной член социума: это производственная, религиозная и военная (в свое время об этом писал В.В. Цимиданов). Анализируя материал можно говорить о том, что КЖ безусловно присутствовали в воинских захоронениях (12,3 %). В данном случае социальный статус подчеркивает оружие – топоры, булавы, стрелы. Вычленив погребения людей, при жизни связанных с религиозной сферой значительно труднее. Символом служителя культа в погребениях бронзового века принято считать деревянную чашу. Автору известно 8 случаев, когда в одном комплексе сочетались такие категории приданного как «КЖ» и «деревянная чаша». Почти все они происходят из западной части ареала ингильской культуры. Лишь в одном случае кости птицы были выявлены в комплексе с деревянной чашей в парном погребении (содержащем так же и оружие) из Приазовья. Как уже было сказано, чаще в катакомбах с КЖ встречаются орудия труда из камня и кремня. Таким образом, можно полагать, что КЖ не являются статусным знаком, т.к. присутствуют в погребениях лиц, относящихся к разным социальным слоям. Тем не менее, кости домашних животных вполне могли маркировать лиц с более высоким рангом внутри какой либо социальной группы. Все же, помещение частей туш или отдельных костей животных в могилы высшей племенной или родовой знати не считалось обязательным предписанием. Об этом говорят элитарные могильники на р. Молочной, где КЖ отсутствуют.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Погребальный ритуал носителей ингильской катакомбной культуры в некоторых случаях предусматривал помещение в могилу отдельных костей животных либо и части туш, которые были обнаружены в камерах, реже в шахтах. Выделяется серия катакомб, где вход в камеру перекрывала лопатка крупного животного. Памятники западной части ареала ингильской культуры ярко демонстрируют это. Нет оснований полагать, что традиция сопровождать покойного подобной категорией погребального приданного была заимствована ингильцами у восточнокатакомбных племен. Что касается металлических изделий и деревянных (возможно культовых?) чаш, то они в сочетании с КЖ происходят из курганов западной части ареала культуры. Примечательно, что КЖ как правило не встречаются в погребениях с колесами, а так же в могилах, на дне которых нанесены изображения охрой человеческих стоп. Связывать комплексы с КЖ с какой-то определенной социальной прослойкой общества нам не представляется возможным. Вполне вероятно, что каждая часть туши имела определенный семиотический статус. Актуальным остается исследование катакомбных погребений с астралагами.

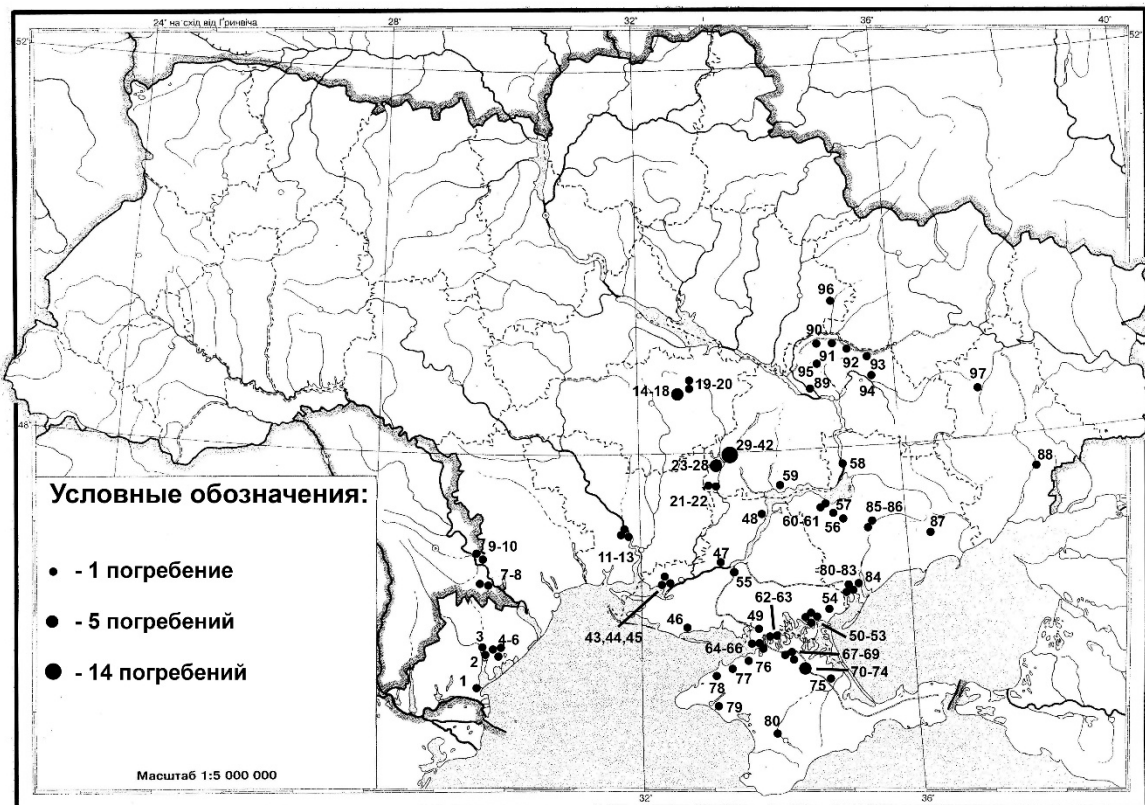

Рис. 1. Ареал распространения погребения ингальской катакомбной культуры с костями животных.

1. Приморское, к. 1, п. 55; 2. Новоселица, к. 19, п. 22; 3. Траповка, к. 1, п. 17; 4 – 5. Костюкова Могила, п. 28; п. 30; 6. Хаджидер I, к. 6, п. 3; 7 – 8. Оланешты, к. 1, п. 10; к. 14, п. 2; 9 – 10. Глинное, к. 1, пп. 31; 43; 11 – 13. Ковалевка II, к. 6, п. 13; III, к. 1, п. 14; IV, к. 1, п. 23; 14 – 18. Головковка I, к. 3, п. 3; I, к. 5, п. 8; VI, к. 23, п. 2; VI, к. 24, п. 2; IX, к. 28, п. 4; 19 – 20. Звенигородка X, к. 1, п. 4; к. 7, п. 4. 21 – 22. Зеленый Гай, к. 1, п. 5; к. 6, п. 4; 23 – 25. Приворотная Балка, к. 1, пп. 8; 9; 14; 26. Блызнюкы, к. 5, п. 10; 27 – 28. Рядовые Могила, к. 1, п. 9; к. 2, п. 7; 29. Родионовка, к. 7, п. 8; 30. Довга Могила, к. 2, п. 2; 31 – 32. Царева Могила, пп. 16, 19; 33. Рыбасово II, к. 1, п. 4; 34 – 36. Моисеевка, к. 1, п. 3 (двухъярусное погребение); п. 11; 37 – 38. Ремонтирская Могила, пп. 2, 10; 39. Недайвода (Три брата), к. 1, п. 15; 40. Новоселовка (Войково), к. 1, п. 13; 41. Кривой Рог (Южный ГОК) II, к. 2, п. 26; 42. Мирюлюбовка, к. Острая Могила, п. 16; 43. Белозерка, к. 8, п. 35; 44. Надеждовка, к. 1, п. 3; 45. Первомаевка I, к. 1, п. 14; 46. Андреевка, к. 5, п. 3; 47. Бургунка, к. 2, п. 8; 48. Михайловка, к. 2, п. 14; 49. Бабенково, к. 2, п. 9; 50 – 53. Сергеевка I, к. 1, пп. 8, 12; I, к. 3, пп. 15, 16; 54. Сивашовка, к. 2, п. 16; 55. Васильевка, к. 1, п. 6; 56. Новое, к. 16, п. 6; 57. Барвиновка, к. 7, п. 19; 58. Запорожье, к. 1, п. 19; 59. Орджоникидзе, Межевая Могила, п. 8; 60 – 61. Балки, Рясные Могила, к. 5, пп. 11, 13; 62 – 63. Филатовка I, к. 8, п. 12; II, к. 1, п. 4; 64 – 66. Рисовое, к. 3, п. 6; к. 5, п. 62; к. 7, п. 47; 67 – 69. Целинное, к. 1, п. 21; к. 13, п. 8; к. 14, п. 7; 70 – 74. Мартыновка, к. 1, п. 7; к. 2, пп. 22, 33, 36; к. 3, п. 7; 75. Чкалово, к. 1, п. 5; 76. Кропоткино, к. 1, п. 12; 77. Славное, к. 1, п. 8; 78. Далекое, к. 4, п. 4; 79. Крыловка, к. 12, п. 4; 80. Красная Зорька, к. 1, п. 19; 81 – 83. Волчанск I, к. 5, п. 3; II, к. 1, пп. 27, 33; 84. Родионовка, к. 2, п. 8; 85 – 86. Заможное, к. 4, п. 5; к. 5 (Чингульский), п. 6; 87.

Конские Раздоры, к. 3, п. 7; **88.** Раздольное, к. 3, п. 13; **89.** Лобойковка, к. 3, п. 6; **90.** Котовка I, к. 1, п. 2; **91.** Бузовка III, к. 1, п. 7; **92.** Малая Козырщина, к. 7, п. 2; **93.** Терны II, к. 4 (Долгая Могила), п. 23; **94.** Благодатное IV, к. 13, п. 14; **95.** Заплавка I, к. 1, п. 9; **96.** Сторожевое, к. 18, п. 8; **97.** Октябрьское, к. 1, п. 9.

Fig. 1. The distribution of burial Ingul catacomb culture with the bones of animals.

1. Prymorskoe, barrow 1, grave 55; **2.** Novoselitsa, barrow 19, grave 22; **3.** Trapovka, barrow 1, grave 17; **4 – 5.** Kostyukova Mogila, graves 28, 30; **6.** Khadzhder I, barrow 6, grave 3; **7 – 8.** Olaneshty, barrow 1, grave 10; barrow 14, grave 2; **9 – 10.** Glinnoe, barrow 1, graves 31, 43; **11 – 13.** Kovalevka II, barrow 6, grave 13; III, barrow 1, grave 14; IV, barrow 1, grave 23; **14 – 18.** Holovkivka I, barrow 3, grave 3; I, barrow 5, grave 8; VI, barrow 23, grave 2; VI, barrow 24, grave 2; IX, barrow 28, grave 4; **19 – 20.** Zvenigorodka X, barrow 1, grave 4; barrow 7, grave 4; **21 – 22.** Zelenyi Hai, barrow 1, grave 5; barrow 6, grave 4; **23 – 25.** Privorotna Balka, barrow 1, graves 8, 9, 14; **26.** Blyznuyky, barrow 5, grave 10; **27 – 28.** Ryadovye Mogily, barrow 1, grave 9; barrow 2, grave 7; **29.** Rodionovka, barrow 7, grave 8; **30.** Dovga Mogila, barrow 2, grave 2; **31 – 32.** Tsareva Mogila, graves 16, 19; **33.** Rybasovo II, barrow 1, grave 4; **34 – 36.** Moiseevka, barrow 1, grave 3 (burial with 2 tiers), grave 11; **37 – 38.** Remontyrskaya Mogila, graves 2, 10; **39.** Nedayvoda (Three brothers), barrow 1, grave 15; **40.** Novoselovka (Voykovo), barrow 1, grave 13; **41.** Kryvyi Rih (South mining plant) II, barrow 2, grave 26; **42.** Myrolyubivka, barrow Hostra Mohyla, grave 16; **43.** Biloserka, barrow 8, grave 35; **44.** Nadezhdivka, barrow 1, grave 3; **45.** Pervomayivka I, barrow 1, grave 14; **46.** Andreevka, barrow 5, grave 3; **47.** Burhunka, barrow 2, grave 8; **48.** Mikhailovka, barrow 2, grave 14; **49.** Babenkovo, barrow 2, grave 9; **50 – 53.** Sergeevka I, barrow 1, graves 8, 12; I, barrow 3, graves 15, 16; **54.** Sivashovka, barrow 2, grave 16; **55.** Vasilevka, barrow 1, grave 6; **56.** Novoe, barrow 16, grave 6; **57.** Barvynivka, barrow 7, grave 19; **58.** Zaporizhia, barrow, grave 19; **59.** Ordzhonikidze, barrow Mezheva Mogila, grave 8; **60 – 61.** Balki, Rysanye Mogily, barrow 5, graves 11, 13; **62 – 63.** Filatovka I, barrow 8, grave 12; II, barrow 1, grave 4; **64 – 66.** Risovoye, barrow 3, grave 6; barrow 5, grave 62; barrow 7, grave 47; **67 – 69.** Tselinnoe, barrow 1, grave 21; barrow 13, grave 8; barrow 14, grave 7; **70 – 74.** Martynovka, barrow 1, grave 7; barrow 2, graves 22, 33, 36; barrow 3, grave 7; **75.** Chkalovo, barrow 1, grave 5; **76.** Kropotkino, barrow 1, grave 12; **77.** Slavnoe, barrow 1, grave 8; **78.** Dalekoe, barrow 4, grave 4; **79.** Krylovka, barrow 12, grave 4; **80.** Krasna Zor'ka, barrow 1, grave 19; **81 – 83.** Volchansk I, barrow 5, grave 3; II, barrow 1, graves 27, 33; **84.** Rodionovka, barrow 2, grave 8; **85 – 86.** Zamozhne, barrow 4, grave 5; barrow 5 (Chingulsky kurgan), grave 6; **87.** Kins'ki Rozdory, barrow 3, grave 7; **88.** Razdolnoe, barrow 3, grave 13; **89.** Loboykovka, barrow 3, grave 6; **90.** Kotovka I, barrow 1, grave 2; **91.** Buzovka III, barrow 1, grave 7; **92.** Mala Kozerschina, barrow 7, grave 2; **93.** Terny II, barrow 4 (Dolga Mogila), grave 23; **94.** Blagodatne IV, barrow 13, grave 14; **95.** Zaplavka I, barrow 1, grave 9; **96.** Storozhevoe, barrow 18, grave 8; **97.** Oktyabr'skoe, barrow 1, grave 9.

Список використаної літератури

1. Берестнев С. И. Захоронения животных у племен катакомбной общности / С. И. Берестнев // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины : тезисы докладов, г. Харьков, 1-3 марта 1995 г. - Харьков, 1995. - С. 19–20 ; Berestnev S. I. Zakhoroneniya zhyvotnykh u plemen katakombnoy obshchnosti / S. I. Berestnev // Problemy arkheologii, drevney i srednevekovoy istorii Ukrainy : tezisy dokladov, g. Kharkov, 1-3 marta 1995 g. - Kharkov, 1995. - S. 19–20
2. Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С. И. Берестнев. – Харьков : ПФ Амет, 2001. – 264 с. ; Berestnev S. I. Vostochnoukrainskaya lesostep v epokhu sredney i pozdney bronzy (II tys. do n.e.) / S. I. Berestnev. – Kharkov : PF Amet, 2001. – 264 s.

3. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С. Н. Братченко. – Киев : Наукова думка, 1976. – 251 с. ; Bratchenko S. N. Nizhnee Podone v epokhu sredney bronzy / S. N. Bratchenko. – Kiev : Naukova dumka, 1976. – 251 s.
4. Бунятян Е. П. Формы собственности на скот и способы изучения их по археологическим данным / Е. П. Бунятян, В. В. Отрощенко // Хозяйство древнего населения Украины. – Киев, 1993. – С. 93-131 ; Bunyatyany Ye. P. Formy sobstvennosti na skot i sposoby izucheniya ikh po arkheologicheskim dannym / Ye. P. Bunyatyany, V. V. Otroshchenko // Khozyaystvo drevnego naseleniya Ukrainy. – Kiev, 1993. – S. 93-131
5. Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен / В. Ф. Генинг // Советская археология. – 1977. – № 4. – С. 53–73 ; Gening V. F. Mogilnik Sintashta i problema rannikh indoiranskikh plemen / V. F. Gening // Sovetskaya arkheologiya. – 1977. – № 4. – S. 53–73
6. Горбов В. Н. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В. Н. Горбов, Р. А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69 ; Gorbov V. N. Kultovye komplekсы na poseleniyakh srubnoy kultury Severo-Vostochnogo Priazovya / V. N. Gorbov, R. A. Mimokhod // Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazovya. – Donetsk, 1999. – S. 24-69
7. Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов / М. П. Грязнов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. / отв. ред. Н. Л. Членова . – Москва : Наука, 1977. – С. 80–88 ; Gryaznov M. P. Byk v obryadakh i kultakh drevnikh skotovodov / M. P. Gryaznov // Problemy arkheologii Yevrazii i Severnoy Ameriki. / отв. red. N. L. Chlenova . – Moskva : Nauka, 1977. – S. 80–88
8. Журавлев О. П. Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I / О. П. Журавлев, Л. В. Сычева // Советская археология. - 1989. - № 2. – С. 150 – 152 ; Zhuravlev O. P. Paleozologicheskie issledovaniya poseleniya katakombnoy kultury Matveevka I / O. P. Zhuravlev, L. V. Sycheva // Sovetskaya arkheologiya. - 1989. - № 2. – S. 150 – 152
9. Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы : дис. ... канд. ист. наук : спец.07.00.06 / Дмитрий Геннадьевич Зданович, Институт истории и архологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2005 – 172 с. ; Zdanovich D. G. Zhertvoprinosheniya zhivotnykh v pogrebalnom obryade naseleniya stepnogo Zauralya epokhi sredney bronzy : dis. ... kand. ist. nauk : spets.07.00.06 / Dmitriy Gennadevich Zdanovich, Institut istorii i arkhologii UrO RAN. – Yekaterinburg, 2005 – 172 s.
10. Иванова С. В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности / С. В. Иванова, В. В. Цимиданов // Археологический альманах. – 1993. – № 2. – С. 23 – 34 ; Ivanova S. V. O sotsiologicheskoy interpretatsii pogrebeniy s povozkami yamnoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti / S. V. Ivanova, V. V. Tsimidanov // Arkheologicheskiy almanakh. – 1993. – № 2. – S. 23 – 34
11. Кияшко А. В. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья / А. В. Кияшко // Материалы по археологии Волго-Донских степей : сб. науч. ст. – Волгоград, 2001. – Вып. 1. – С. 93-109 ; Kiyashko A. V. O vostochnykh predelakh rasprostraneniya rannekatakombnogo obryada na territorii Volgo-Donskogo mezhdurechya / A. V. Kiyashko // Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey : sb. nauch. st. – Volgograd, 2001. – Vyp.1. – S. 93-109
12. Ковалева И. Ф. Катакомбные погребения Орель-Самарского междуречья / И. Ф. Ковалева // Древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н. э.) : сб. науч. трудов / отв. ред.: И. Ф. Ковалева. – Днепропетровск : ДГУ, 1982. – С. 35–45 ; Kovaleva I. F. Katakombnye pogrebeniya Orel-Samarskogo mezhdurechya / I. F. Kovaleva // Drevnosti

Stepnogo Podneprovya (III – I tys. do n. e.) : sb. nauch. trudov / otv. red.: I. F. Kovaleva. – Dnepropetrovsk : DGU, 1982. – S. 35–45

13. Куштан Д. П. Культові об'єкти у поховальних комплексах доби бронзи на території Середнього Подніпров'я / Д. П. Куштан // Проблеми археології Середнього Подніпров'я : До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. – Київ; Фастів, 2005. – С. 201-208 ; Kushtan D. P. Kultovi obiekty u pokhovalnykh kompleksakh doby bronzы na terytorii Serednoho Podniprovia / D. P. Kushtan // Problemy arkheolohii Serednoho Podniprovia : Do 15-richchia zasnuvannia Fastivskoho derzhavnoho kraieznavchoho muzeiu. – Kyiv; Fastiv, 2005. – S. 201-208

14. Литвиненко Р. О. Культурне коло Бабіне (за матеріалами поховальних пам'яток) : дис. ...док. іст. наук : спец. 07.00.04 / Роман Олександрович Литвиненко; Ін-т археол. НАНУ. – Київ, 2009. – 34 с. ; Lytvynenko R. O. Kulturne kolo Babyne (za materialamy pokhovalnykh pamiatok) : dys. ...dok. ist. nauk : spets. 07.00.04 / Roman Oleksandrovykh Lytvynenko; In-t arkheol. NANU. – Kyiv, 2009. – 34 s.

15. Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в бассейне реки Молочной / Б. Д. Михайлов // Древности Степного Причерноморья и Крыма : Сборник научных трудов. — Запорожье: Запорожский государственный университет, 1990. – Т. I. – С. 107-116 ; Mykhailov B. D. Kurhany epokhy bronzы v basseine reky Molochnoi / B. D. Mykhailov // Drevnasty Stepnoho Prychornomoria y Kryma : Sbornyk nauchnykh trudov. — Zaporozhe: Zaporozhskyyi hosudarstvennyi unyversytet, 1990. – Т. I. – С. 107-116

16. Мозолевский Б. Н. Курган эпохи бронзы на территории г. Запорожья (по материалам раскопок Б.Н. Мозолевого в 1969 г.) / Б. Н. Мозолевский, Г.Н. Тощев // Старожитності степового Причорномор'я та Криму. – Запоріжжя, 2000. – Т. VIII. – С. 125 – 142 ; Mozolevskyy B. N. Kurhan epokhy bronzы na terrytoryy h. Zaporozhia (po materyalam raskopok B.N. Mozolevskoho v 1969 h.) / B. N. Mozolevskyy, H.N. Toshchev // Starozhytnosti stepovoho Prychornomoria ta Krymu. – Zaporizhzhia, 2000. – Т. VIII. – С. 125 – 142

17. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры / Т. Б. Попова. – Москва : Госкультпросветиздат, 1955. – 179 с. ; Popova T. B. Plemena katakombnoy kultury / T. B. Popova. – Moskva : Goskultprosvetizdat, 1955. – 179 s.

18. Пустовалов С. Ж. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья (по материалам погребального обряда) / С. Ж. Пустовалов. – Киев, 1992. – 152 с. ; Pustovalov S. Zh. Etnicheskaya struktura katakombnogo naseleniya Severnogo Prichornomorya (po materialam pogrebalnogo obryada) / S. Zh. Pustovalov. – Kiev, 1992. – 152 s.

19. Пустовалов С. Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я / С. Ж. Пустовалов. – Київ : Шлях, 2005. – 412 с. ; Pustovalov S. Zh. Sotsialnyi lad katakombnoho suspilstva Pivnichnoho Prychornomoria / S. Zh. Pustovalov. – Kyiv : Shliakh, 2005. – 412 s.

20. Пустовалов С. Ж. Обряды перехода та катакомбний поховальний ритуал / С. Ж. Пустовалов // Наукові записки НаУКМА : Теорія та історія культури. – 2006. – Том. 49. – С. 62–67 ; Pustovalov S. Zh. Obriady perekhodu ta katakombnyi pokhovalnyi rytual / S. Zh. Pustovalov // Naukovi zapysky NaUKMA : Teoriia ta istoriia kultury. – 2006. – Tom. 49. – С. 62–67

21. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра / С. Н. Разумов, С. Д. Лысенко, В. С. Синика, Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков // Stratum plus. – 2013. – № 2 : Обитаемое пространство в европейской преистории. – С. 297-340 ; Kurgany epokhy bronzы mogilnika u s. Glinoe na levoberezhe Nizhnego Dnestra / S. N. Razumov, S. D. Lysenko, V. S. Sinika, N. P. Telnov, I. A. Chetverikov // Stratum plus. – 2013. – № 2 : Obitaemoe prostranstvo v evropeyskoy preistorii. – С. 297-340

22. Ригведа. Мандалы I – IV / подгот. Т. Я. Елизаренкова. – 2-е изд., испр. - Москва : Наука, 1999. – 758 с. ; Rigveda. Mandaly I – IV / podgot. T. Ya. Yelizarenkova. – 2-e izd., ispr. - Moskva : Nauka, 1999. – 758 s.

23. Санжаров С. М. Східна Україна на рубежі середньої-пізньої бронзи : дис. ... докт. іст. наук : спец. 07.00.04 / Сергій Миколайович Санжаров ; Інститут археології НАН України. – Київ, 2007. – 34 с. ; Sanzharov S. M. Skhidna Ukraina na rubezhi serednoi-piznoi bronzy : dys. ... dokt. ist. nauk : spets. 07.00.04 / Serhii Mykolaiovych Sanzharov ; Instytut arkheolohii NAN Ukrainy. – Kyiv, 2007. – 34 s.

24. Стеблин-Каменский М. И. Комментарии / М. И. Стеблин-Каменский // Старшая Эдда. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. – С. 395–460 ; Steblyn-Kamenskyi M. Y. Kommentaryy / M. Y. Steblyn-Kamenskyi // Starshaia Эdda. – Sankt-Peterburh : Azbuka-klassyka, 2008. – S. 395–460

25. Топоров В. Н. Пушан / В. Н. Топоров // Мифы народов мира / ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 2. — С. 353 ; Toporov V. N. Pushan / V. N. Toporov // Myfy narodov myra / red. S. A. Tokarev. — Moskva : Sovetskaia entsyklopedyia, 1991. — Т. 2. — S. 353

26. Федосов М. Ю. Катакомбные культуры Донецко-Донско-Волжского региона (по материалам погребальных памятников) : дис. ... канд. ист. наук. : спец. 07.00.06 / Михаил Юрьевич Федосов ; Институт истории материальной культуры РАН. – Санкт-Петербург, 2012. – 22 с. ; Fedosov M. Yu. Katakombnye kultury Donetsko-Dono-Volzhskeho rehyona (po materialam pohrebalnykh pamiatnykov) : dys. ... kand. yst. nauk. : spets. 07.00.06 / Mykhayl Yurevych Fedosov ; Ynstytut ystoryy materyalnoi kultury RAN. – Sankt-Peterburh, 2012. – 22 s.

27. Цимищанов В. В. Социальная структура срубного общества / В. В. Цимищанов. – Донецк, 2004. – 204 с. ; Tsymydanov V. V. Sotsyalnaia struktura srubnoho obshchestva / V. V. Tsymydanov. – Donetsk, 2004. – 204 s.

28. Шилов Ю. А. Прародина ариев: история обряды и мифы / Ю.А. Шилов. – Киев : СИНТО, 1995. – 742 с. ; Shilov Yu. A. Prarodina ariev: istoriya obryady i mifyi / Yu.A. Shilov. – Kiev : SINTO, 1995. – 742 s.

Стаття надійшла до редакції 07.12.2016 р.

S. Nebrat

BURIAL OF INGUL CATACOMB CULTURE WITH THE BONES OF ANIMALS

The article is devoted to the burials Ingul catacomb culture of the Northern black sea in which were found the remains of sacrificial animals. Such graves were discovered a specific weight of 8,2% of all known burials Ingul culture. They were almost indistinguishable from the other graves. The largest number of complexes with such a funeral dowry comes from kurgans of the Lower Dnieper river, the basin of the Ingulets and the Dnieper interfluvium and Molochny.

Buried almost never accompanied by a whole carcass of the animal. Typically in the grave had of the skull, jaw, shoulder blades or limbs only domestic animals. According to the beliefs of primitive people, the part of the object symbolized this whole subject. There is no reason to say that the tradition of placing the remnants of the sacrificial animals in the burial was taken from the catacomb tribes of the Seversky Donets and Don.

It is worth noting that animal bones for some reason not been found in rich burials of burial mounds on the Molochnaya River. The use of sacrificial animals in the burial rite hardly indicated high social position of the deceased. It can be assumed that the animal in the context of a funeral ceremony performed a different role. Fully understand it now is almost impossible.

Keywords: bronze age, Ingul catacomb culture, animal bones.

С.Г. Небрат

ПОХОВАННЯ ІНГУЛЬСЬКОЇ КАТАКОМБНОЇ КУЛЬТУРИ З КІСТКАМИ ТВАРИН

Статтю присвячено похованням інгульської катакомбної культури Північного Причорномор'я в яких були виявлені рештки жертвних тварин. Таких поховань було виявлено небагато: питома вага – 8,2% від усіх відомих автору могил інгульської культури. Вони майже нічим не відрізнялись із загального масиву. Найбільша кількість комплексів з таким поховальним приданим походить з курганів Нижньої течії Дніпра, басейну Інгульця та Дніпро-Молочанського межиріччя.

Похованого майже ніколи не супроводжувала ціла туша тварини. Як правило розміщувалися черепи, щелепи, лопатки або тільки частини кінцівок домашніх тварин. За уявленнями первісних людей, частина символізувала ціле. Немає підстав говорити що традиція розміщення решток жертвних тварин в похованні була запозичена від катакомбних племен Сіверського Дінця та Дону.

Варто зазначити, що кістки тварин чомусь не зустрічалися в заможних похованнях з курганів на р. Молочна. Використання жертвної тварини в поховальному обряді навряд вказували на високий соціальний стан померлого. Можна припустити, що тварина в контексті поховального обряду виконувала іншу роль. Повністю зрозуміти її зараз майже неможливо.

Ключевые слова: доба бронзи, інгульська катакомбна культура, кістки тварин.

УДК [930"1991/2015":271.5"157/164"] (477) (045)

А.В. Папазова

ВИВЧЕННЯ ДІЯЛЬНОСТІ ОРДЕНУ ЄЗУЇТІВ НА УКРАЇНСЬКИХ ЗЕМЛЯХ В ОСТАННІЙ ТРЕТИНІ XVI – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ XVII СТ. ДОСЛІДНИКАМИ НЕЗАЛЕЖНОЇ УКРАЇНИ

Розглянуто тематику сучасних українських досліджень з проблем діяльності ордену єзуїтів на українських землях на початковому етапі діяльності Товариства Ісуса в Україні. Проаналізовано й узагальнено здобутки та прогалини у вивченні зазначеної проблеми. Представлені думки та висновки науковців щодо окремих питань освітньої, місіонерської та культурної діяльності єзуїтів.

Ключові слова: Товариство Ісуса, напрямки роботи ордену єзуїтів в Україні, дома ордену єзуїтів, тематика досліджень науковців незалежної України, початковий етап діяльності єзуїтів в Україні.

В незалежній Україні посилилася увага до вивчення релігійних проблем. З'явилися нові узагальнюючі роботи з історії, культури й релігії, автори яких приділяли увагу й історії Товариства Ісуса. Проте багато в чому вони слідували вже зробленим висновкам у цій галузі дослідниками попередніх історіографічних періодів, без їх належного перегляду. До того ж роботи науковців часто містили лише окремі факти діяльності ордену в галузі освіти, релігії, культури й оцінки їхнього впливу, без уваги до економічної діяльності та аналізу впливу ордену на суспільно-політичні події. А праць, які б узагальнювали всю діяльність ордену на українських землях в останній третині XVI – першій половині XVII ст. взагалі не існує. Немає ретельного аналізу робіт сучасних українських дослідників щодо зазначеної проблеми. Отже, лише цих